

1. В поисках истинной веры

Имя знаменитого в своё время писателя, драматурга, а отчасти и публициста Леонида Андреева сейчас почти что позабыто. Его пьесы, в своё время по уровню театральных постановок превосходившие не только Горького, но даже Чехова, сейчас практически не ставятся, романы, повести и рассказы никто не читает. Почему? Может быть, иссяк интерес к той проблематике, которую этот писатель считал самой важной? Возможно. На фоне борьбы с коронавирусом рассуждения о жизни и смерти могут показаться глупыми, но, тем не менее, они остаются самыми важными для любого человека во все времена и эпохи.

В кругу литераторов Серебряного века имя этого писателя просияло по своему некоей не очень яркой звездой, которая позже угасла. Леонид Андреев не был большим мыслителем или идеологом, не стремился к созданию собственных творческих концепций и манифестов. Его в начале пути поддержал Максим Горький, они оба стремились к борьбе против капиталистов в защиту бедных. Но их пути быстро разошлись, и Леонид Андреев пошёл по иному пути, близкому к символистам — иными словами — по пути религиозного обновления, но так и не смог создать собственного художественного направления или идеологии, хотя его проза и его пьесы в своё время были очень популярны и вызывали острейшие споры.

Одной из самых важных на этом пути, двойственном, но крайне своеобразном, несомненно, следует считать его знаменитую повесть «Иуда Искариот», опубликованную в «Сборнике товарище-

Леонид Андреев. Портрет работы И.Е. Репина

Повесть Леонида Андреева «Иуда Искарот»

ства «Знание» за 1907 год» (№16). В руководстве этого издательства состоял М. Горький, известный в то время своими взглядами, которые позже получили название «богостроительства». В то время очень остро стоял вопрос о том, является ли тогдашнее ортодоксальное христианство (в частности, православие), так сказать, *истинной* религией и, более того, истинным «христианством». Возможны ли иные толкования истины, — рядом с Христом или помимо Христа. Эти вопросы весьма занимали тогдашнюю общественность, особенно литераторов, близких к кругам символистов. Прежде всего, следует упомянуть учение о «Третьем Завете» Д.С. Мережковского, не говоря уже о его предшественниках — Владимире Соловьёве и Льве Толстом.

Разумеется, Л. Андреев не мог обойти эту тему. И не то чтобы не мог, она была для него центральной, самой насущной. Истинно ли историческое христианство? Был ли Христос Богом? Кем был Иуда? Это были не абстрактные вопросы для того времени. Только что в русском переводе вышли книги Давида Штрауса и Эрнеста Ренана, посвящённые тщательному исследованию евангельских текстов. Эти авторы, ссылаясь на исторические свидетельства, рассматривали жизнь Иисуса Христа как реально существовавшего человека, а не Бога, тем самым частично повторяя существовавшую ещё с IV века ересь арианства.

В этом контексте проблема так называемого «предательства» Иуды приобретала особый смысл. Следует вспомнить, что говорит

о предательстве Иуды Св. Писание. Вот очевидные свидетельства из Евангелий: от Луки 22:47: «Когда Он ещё говорил это, появился народ, а впереди его шёл один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошёл к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаёшь Сына Человеческого?». Евангелие от Матфея 37: 3—6: «Когда Иуд , пред вший Иисус , увидел, что Его осудили, то р ск ялся и возвр тил тридц ть сребренников первосвященник м и ст рейшин м, ск з в: «Согрешил я, пред в кровь невинную». Но они ск з ли: «Что н м до этого? Это твоя з бот !» Тогд он бросил серебряные монеты в хр ме, пошёл и повесился. Первосвященники же подобр ли монеты и ск з ли: «Не по з кону это кл сть их в хр мовую копилку, ибо это цен крови». Но уже из этого как бы следует, что Иуда в Христа как Бога всеведущего не верил.

Теперь зададимся вопросом, — вместе с Леонидом Андреевым, — кого, собственно, и как мог ПРЕДАТЬ Иуда Искарот? Бога предать невозможно, он всеведущ, всезнающ, иначе он не был бы Богом. Предать в обычном смысле слова можно только человека или какие-то убеждения. И в том, и в другом случае речь вовсе не идёт о богоотступничестве. Это ключевая тема повести «Иуда Искарот». Следует ещё раз заметить, что ни о каком «предательстве» богочеловека и Иисуса Христа не может быть и речи, и даже мысль об этом кощунственна, потому что тем самым величие и всемогущество образа Божия несказанно умаляется.

Тогда что же? Неужели нужно пересмотреть всю евангельскую концепцию рождения и смерти Богочеловека, представив его в духе арианской ереси простым человеком, хотя бы и праведником и пророком, которого всё-таки можно «предать»? Вчитываясь в писания Ветхого завета, отметим, что мученическую смерть приняли и другие великие пророки, в числе которых, скажем, Исайя, Иезекииль. В этом не сомневаются даже крупнейшие теологи. С этой точки зрения в смерти Иисуса не было ничего сверхъестественного: погиб очередной еврейский пророк в ряду других еврейских пророков, да ещё не самой мучительной смертью, как бы это ни звучало цинично. Исайю распилили пополам в дереве, куда он спрятался, а Иезекииля разорвали на части лошадьми.

Но если Иуда предал всего лишь пророка, и не то чтобы предал, а лишь доложил римским солдатам, где находится разыскиваемый ими Христос, поскольку иудейские первосвященники Каиафа и Анна прямо не решались сообщить Понтию Пилату

о якобы существующем враге императора и римского народа, им нужен был провокатор, тем паче из числа ближайших учеников Христа, то есть из апостолов.

Сделаем небольшое отступление. Ещё в 1906 году Л. Андреев написал рассказ «Елеазар» (древнееврейское произношение имени Лазарь), посвящённый судьбе Лазаря после его воскрешения. Рассказ этот необычайно интересен не как художественное произведение, а как некое мистическое видение самого автора. Окружавшие воскресшего на четвёртый день после смерти Елеазара-Лазаря постоянно интересуются у него: «Отчего ты не расскажешь нам, Елеазар, что было там? Но он не рассказывал». Л. Андреев предлагает свою версию: «Ибо та великая пустота, что объёмлет мироздание, не наполнялась видимым, ни солнцем, ни луною, ни звёздами, а царила безбрежно, всюду проникая, всё отъединяя: тело от тела, частицы от частиц». И на кого бы ни посмотрел воскресший Лазарь из потустороннего мира, тот терял всякое понимание смысла жизни. Такова была цена пребывания на том свете даже в течение трёх дней.

Если воскресение Лазаря, который по евангельскому сказанию — Ин. 11, 39 «Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе) — является иносказательным намёком на будущую смерть и воскресение Христа, то современный читатель вместе с Леонидом Андреевым может задать вопрос: где находились Лазарь и Христос в течение трёх дней после своей смерти? Годится ли ответ Л. Андреева из рассказа «Елеазар» о всепроникающей пустоте и в наши дни? Любопытно отметить, что одна из самых таинственных пьес писателя «Реквием» (1917 г.) открывается загадочным подзаголовком: «Всё это происходит в пустоте». Видимо, понятие пустоты в каком-то широком космическом смысле было необычайно важно для писателя. А может быть, оно пронизывало и загадочную душу Иуды Искарриота?

Вновь вернёмся к образу Иуды Искарриота. Действительно ли он провокатор, подкупленный иудейскими священниками с целью погубить пророка — конкурента — Иисуса Христа? Или его миссия состояла в чём-то другом? Леонид Андреев награждает Иуду Искарриота крайне неприглядными чертами: будто бы он «сам крадёт искусно и видом своим безобразнее всех жителей в Иудее», «всюду он лжёт, кривляется, зорко высматривает что-то своим воровским глазом; и вдруг уходит внезапно, оставляя по себе неприятности и ссору — любопытный, лукавый и злой, как одноглазый бес». «Иисуса Христа много раз предупреждали, что

Иуда из Кариота — человек очень дурной славы, и его нужно остерегаться». Далее описывается его неприятная внешность, он будто бы походил на «осьминога с огромными, неподвижными, тускло-жадными глазами».

Казалось бы, что в таком отвратительном человеке мог найти Иисус Христос? Тем более это удивительно, что дальше другие апостолы описываются самым противоположным образом: смелый и могучий Пётр, готовый положить свою жизнь за Учителя, Иоанн — «красивый, чистый. Не имеющий ни одного пятна на снежно белой совести». И вот среди них Иуда — урод физический и нравственный. Как он оказался среди апостолов, самых близких Христу людей? На этот вопрос в повести никакого внятного ответа не дано. А мы попробуем его дать. Всмотримся в знаменитую фреску Леонардо да Винчи «Тайная вечеря».

Под номером 5 Иуд , он в мешочке держит свои 30 серебряников. Именно он пред л своего учителя, которого потом к знили. С мый первый В рфоломей (1), под номером 2 И ков, третьим сидит Андрей, прозв нный Первозв нным (его бр т постол Пётр). Под номер ми 4 и 6 — Пётр и Ио нн Богослов. Они р згов рив ют. Под номером 7 тоже И ков Зеведеев. Под номером 8 — Фом (постол), которого ещё прозв ли неверующий. Под номером 9 — Филипп (постол). Под номером 10 видим Левия М тфея. Под 11 номером тоже Иуд , но Ф ддей. Не пут ть его с Иудой пред телем. Под 12 номером видим Симон .

Иуда (№ 5) у Леонардо вовсе не выглядит ни похожим на осьминога, ни уродом с остекленевшим глазом, как у Л. Андреева, но художник намеренно и явно придаёт ему семитические черты, подчёркивая ещё одну важную евангельскую мысль. Как извест-

но, в момент осуждения Иисуса толпа евреев «голосовала» за распятие Христа (Матф. 27:25): «кровь Его на нас и на детях наших». По логике Евангелия с учётом самого имени — Иуда, мы видим, что Христа предало само иудейство в его как физическом, так и в религиозном смысле.

Но вновь и вновь возникает вопрос — можно ли предать Бога? Ответ: конечно же, нельзя, а значит, господь сам выбрал и определил, кому быть предателем, так как без этого «предательства» смертная и бессмертная миссии Христа не могли бы осуществиться. Л. Андреев завершает свою повесть размышлениями и признаниями Иуды о том, что тот, дескать, по-настоящему любил Учителя, который якобы любил его, выполняя свою сверхзадачу, больше всех остальных учеников.

Во время последней беседы Иуды с апостолами после казни Иисуса он восклицает:

«Трусливые предатели перед вами. Где Иисус? Я вас спрашиваю: где Иисус?»

Было что-то властное в хриплом голосе Искарриота, и покорно ответил Фома:

— Ты же сам знаешь, Иуда, что Учителя нашего вчера вечером распяли.

— Как же вы позволили это? Где же была ваша любовь? Ты, любимый ученик, ты — камень, где были вы, когда на дереве распинали вашего друга?

— Что же могли мы сделать, посуди сам, — развёл руками Фома.

— Ты это спрашиваешь, Фома? Так, так! — склонил голову набок Иуда из Кариота. И вдруг гневно обрушился:

— Кто любит, тот не спрашивает, что делать! Он идёт и делает всё».

Каков же итог? Видимо, его следует искать в словах, приписанных апостолу Иоанну: «Молчи! — крикнул Иоанн, поднимаясь. — Он сам хотел этой жертвы. И жертва его прекрасна!». Таким образом, нам раскрывается действительная роль Иуды. Он выполнил тайную волю Христа, а потому и мог быть одним из его Возлюбленных. Судя по всему, Л. Андреев именно в этом видел глубочайшую религиозно-философскую миссию в образе Иуды. Такое её понимание наложило важнейшую печать на всё его творчество.

Леонид Андреев был не одинок в своих религиозно-философских раздумьях. Даже не касаясь учения о новом религиозном сознании Д. С. и З.Н. Мережковских, приведём забытое стихотво-

рение малоизвестного ныне поэта-символиста Серебряного века Александра Рославлёва (1883—1920) «Иуде».

Из глубины померкнувших столетий
Явил ты мне, непонятый мой брат,
Твой жгучий тёрн в его победном свете.
Пусть гнусы о предательстве кричат!
Их мысли тупы, на сердцах их плесень,
Постичь ли им твой царственный закат.
Ты — свет певцам для вдохновенных песен,
Ты, как на башне, — выше облаков,
Откуда город меж просторов — тесен.
Проклятый город, медлище рабов,
Где скорбно — бледный, нищий их учитель
Бросает зёрна рабских, нищих слов.
И с башни в город сходишь ты, как мститель,
За их права, несёшь ковчег борьбы,
Чтоб дать им мощь и пирную обитель.
Вот распят Он, но лик его судьбы
Не возбудил кровавой жажды мщенья.
Рабы стоят и смотрят, как рабы.
Ты проклял их. Преодолев сомненья,
Прозрел в веках достойнейших тебя,
И смерть твоя — святое утвержденье,
Что ты спасал, страдая и любя.

Этим как бы подтверждается, если не всё вышесказанное, то очень многое. Но в размышлениях Л. Андреева есть ряд несообразностей. Их можно списать на слабую подготовку писателя в области религиозно-философского мышления или считать их сознательными, отчасти даже провокативными действиями. Тут следует упомянуть, что при написании повести Л. Андреев постоянно советовался с М. Горьким, у которого он в то время жил на Капри, и тот часто давал ему советы об исправлении неточностей, а также предоставлял нужную литературу. Богоборец и богостроитель Максим Горький, с одной стороны, и таинственный мистик Леонид Андреев неожиданно сходятся в одном — странном понимании образа Иуды Искариота.

При чтении этой повести на первой же странице удивляет такое странное утверждение: «Детей у него (Иуды из Кариота — Г. М.) не было, и это ещё раз говорило, что Иуда — дурной человек

и не хочет бог потомства от Иуды». Любой человек, даже не христианин, а, скажем, иудей или мусульманин может сразу задать вопрос: а были ли дети у апостолов. У некоторых апостолов дети были, а у некоторых, более молодых и неженатого Иуды из Кариота детей не было. Означает ли это, что апостолы без детей также были прокляты Богом? К тому же — самое важное свидетельство, что сам Иисус Христос детей не имел, что совершенно определённо признаёт сама Святая Церковь. Значит ли это, что Л. Андреев сознательно стал еретиком, в чём-то сравнивая Христа с Иудой Искаротом? Или речь идёт о чём-то более тонком, более глубоком, что писатель, возможно, таил в подсознании? Наша эпоха, в чём-то — в идейном раздразе, в пресловутой «полифонии» взглядов — повторяет эпоху Серебряного века, уступая ей разве что в идейной масштабности. А религиозно нравственные искания остаются. Может быть, в них и суть *русского* мышления. Леонид Андреев из тех писателей и мыслителей, которые поставили перед нами глубочайшие и сложнейшие вопросы. Нам их решать.

2. Трагедия личности

Я уверен, что есть два разных понятия: Л. Андреев — прозаик и он же — драматург. Почему это так? Суть вопроса в том, что как прозаик он хотел да и мог, хотя бы отчасти (под воздействием М. Горького) воспроизвести окружающую его реальность, то есть был отчасти «реалистом». В самом деле ничего особенного и сверхъестественного в его прозе конца 1890-х — начала 2000 годов нет. «Баргамот и Гараська», «Петька на даче», «Большой шлем» и другие рассказы, которые

Леонид Андреев
и Максим Горький

дали известность Л. Андрееву как бытописателю. Это, по-видимому, сблизило его с Максимом Горьким, что, на мой взгляд не довело его до добра. Важнейшие прозаические произведения Л. Андреева также, как и ранние Горького, относятся к тематике богоборчества и так называемого богостроительства и даже провозглашённой в то время псевдорелигии человека. Но по-другому Леонид Андреев проявил себя в драматургии. Видимо, по его складу личности именно сценическое действие было ему близко.

Всю жизнь Леонид Андреев был богоборцем и искателем новых религиозных истин. Отчасти об этом упоминалось выше, но, на мой взгляд, наиболее ярко образ мышления Л. Андреева проявился в его драматургии. В своё время, то есть в эпоху Серебряного века — между двух революций — его пьесы были чрезвычайно популярными. Постановка первой его пьесы «К звёздам» (1905 год), принятая в МХТе К.С. Станиславским, была запрещена цензурой, В.Э. Мейерхольд в 1907 году поставил в театре Веры Комиссаржевской «Жизнь человека», а В.И. Немирович-Данченко в 1910 г. поставил в МХТе «Анатэму».

Мне кажется, что самой главной и основной пьесой Л. Андреева стала пьеса «Самсон в оковах» (1914 г., опубликована после смерти автора в журнале «Современные записки» в Париже), которая никогда не ставилась при жизни драматурга. Поэтому её следует отнести к известному немецкому жанру *Lesedrama*, т. е. пьеса для чтения. Многие известные писатели и драматурги, в том числе Гёте, Шиллер, не были уверены, что их пьесы будут поставлены в современных им театрах, поэтому писали для широкого круга читателей.

Драматургия и театр (если его можно так назвать) Л. Андреева — это целая эпоха российской реальности. Тут были и взлёты, и провалы. Нельзя сказать, что Л. Андреев был апологетом какой-то чёткой или однозначной идеи. Сама его натура, движущаяся, колеблющаяся не позволяла ему на чём-то остановиться, примкнуть к какому-то движению или партии.

Мне кажется, что пьеса «Самсон в оковах» — это почти завещание драматурга. Пьеса якобы основана на библейском предании об ослеплении Самсона, о чём подробно говорится в Библии, но для Л. Андреева вся ветхозаветная история со страданиями и гибелью Самсона превращается как бы в своеобразную автобиографию, а одновременно и судьбу русской интеллигенции. Что такое слепота Самсона? Это знак того, что он не видит и не может видеть всё, он ограничен в своём видении, поэтому ошибается, идёт порой поперёк воли божьей, — это для него некий порог восприятия. Это и есть извечная ограниченность человека (вспомним пьесу Л. Андреева «Жизнь человека»). Судьба ослеплённого Самсона для Л. Андреева — это, по сути, судьба интеллигенции, которая в полуослепении начала бороться за власть и с ужасом поняла, к чему это привело.

Пьеса явно автобиографическая, чувствуется в образе Самсона намёк на самого себя, он как бы ослеплён, впотьмах, бессознательно пытается разорвать какие-то оковы, но не может этого сделать.

Драматургия Андреева отличается кардинально от горьковской. Горький по складу своего дарования не мог создавать ярких характеров и драматических — именно драматических ситуаций, поэтому все его пьесы (после «На дне», основанной на жизненном опыте) являются скучнейшими произведениями, которые практически никогда не вызывали интереса за исключением постановок Георгия Товстоногова в БДТ им. Горького в советское время и основных московских театров. В наши дни пьеса «Мещане» с успехом («Золотая маска») идёт в СПб в театре «На Васильевском». Проблематика пьес Горького в наше время, на мой взгляд, устарела, — это не случайно. Так называемая борьба за права человека, которую Горький то поддерживал, то отрицал, обернулась в наши дни борьбой за права гомосексуалистов и ЛГБТ.

Леонид Андреев попал в другую театральную ловушку: он был новатором. Не совсем, конечно, — шёл за Ибсеном и Метерлинком, — но шёл своим путём. Он старался важные для его времени сюжеты воплотить в аллегорические и символические образы. Леонид Андреев в 1906 году снова сближается со своим учителем Максимом Горьким, как он называет его в своей биографии, и даже приезжает к нему на Капри, где тот жил в это время. Между ними возникли разногласия по поводу роли науки в грядущей социалистической революции. Горький считал, что «передовые представители народа» увлекут за собой «отсталых учёных» (пьеса «Дети солнца» 1903 г.). М. Горький уже тогда стремился к эпатажу и скандалам. Художественные образы героев, столкновения характеров ему были чужды. Это и стало причиной расхождения и последующей вражды литераторов, которая продолжалась до самой смерти Л. Андреева.

Но есть удивительные места в творчестве Л. Андреева, которые до такой степени поражают меня и наших современников, что иногда Л. Андреев кажется почти что провидцем. Я думаю, что оба его сына Вадим и Даниил, особенно последний, глубоко погружённые в оккультные науки, каким-то образом предчувствовали нашу современную действительность. В 2021 году, и перед этим около года шло следствие по делу петербургского доцента Соколова, осуждённого за убийство и расчленение своей любовницы на 12,5 лет. Кажется удивительным, как учёный, научный работник мог совершить такое преступление, допустим даже из ревности. У Даниила Андреева есть повесть «Мысль» и пьеса — инсценировка на аналогичную тему. Я обращаю внимание на эти сочинения, поскольку они необычайно близки, (как ни странно — прошло сто лет) нашей эпохе. Герой пьесы «Мысль» убивает любовника

своей жены и при этом рассуждает так: «Во мне скрывался недюжинный актёр, способный сочетать естественность игры, доходившую временами до полного слияния с олицетворяемым лицом». Оба персонажа — и в пьесе и в повести — рассуждают так: то ли он убил его (своего соперника), потому что сошёл с ума, то ли убил и притворяюсь, что сошёл с ума. Где грань, — спрашивает он самого себя, — между целенаправленным убийством и сумасшествием? Думаю, что также мог рассуждать и доцент Соколов: где грань между сознанием и подсознанием, — и кому можно задать этот вопрос. Вот основные темы последних сочинений Леонида Андреева, смысл которых в полной мере не разгадан до настоящего времени.

После убийства герой пьесы попадает в сумасшедший дом, где рассуждает так: «Боюсь думать, но, кажется, я никогда не переставал быть романтиком. И чуть ли я не был идеалистом. Я верил в человеческую мысль и в её безграничную мощь. Вся история человечества представлялась мне шествием одной торжествующей мысли».

А что же это была за мысль? Нашему современнику она может представляться по-разному: это либо идеал всемирного коммунизма и мировой революции или идеал капитализма с обезьяньим лицом. Леонид Андреев, скончавшийся в 1919 году не мог полностью осознать ни того, ни другого, зато оба его сына всё это отчётливо поняли.

Конечно, одной из самых важных и определяющих тем в творчестве Л. Андреева является тема, важная, как для его духовного покровителя М. Горького, так и для некоторых символистов и футуристов — это тема «человекобожия». Одно из самых значительных произведений Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» имеет такой подтекст: священнику бунтарю и сектанту Василию Фивейскому пришла в голову мысль, что он может совершить чудо и поспорить с господом богом. Разумеется, эта надежда оказалась бессмысленной, и герой этой повести печально окончил свою жизнь.

В других рассказах автор продолжает размышлять об этом. Ключевой на этом поприще является его повесть «Мысль», позже переработанная в драму. Не углубляясь пока в сюжет этой повести, обратимся к некоторым другим мыслям художника. Герой повести «Мысль» рассуждает примерно так: «Для меня нет судьбы, нет закона, нет недозволенного. Всё можно. Вы можете себе представить мир, в котором нет закона притяжения, в котором нет верха, низа, в котором всё повинуется только прихоти и случаю? Я, доктор Керженцев, этот новый мир. Всё можно». Кто такой доктор Керженцев, поговорим в дальнейшем. Здесь же необходимо

подчеркнуть, что Андреев следует известной мысли Достоевского: если нет бога, всё можно. Л. Андреев примерно рассуждает так: существует какая-то «мысль», которая вовсе не христианский бог, а в разных его сочинениях называется «некто в сером», «некто, стоящий у стражей ворот», — то есть что-то неопределённое, но далёкое от понимания догматов христианства.

В одном из самых скандальных рассказов того времени — «Рассказ о семи повешенных» (1908 г.) Л. Андреев как бы нарочно связывает судьбу принципиальных революционеров-террористов с уголовниками. Но на чьей стороне его симпатии, — читателю остаётся только догадываться, потому что история ликвидации террористов под его пером приобретает псевдохристианский облик: дескать, с одной стороны истинные борцы, а с другой стороны те бандиты, которые в своё время висели на разных крестах около Иисуса Христа. Один из разбойников сказал Иисусу: Евангелие от Луки 34: «⁴² И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твоё! ⁴³ И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». Для того, чтобы правильно понять, что понимал Л. Андреев под образом Христа, — то ли он видел в нём пророка, то ли проявление неких высших сил, — надо глубже вчувствоваться в его сочинения. И ответ будет неоднозначным.

Важнейшая мысль Л. Андреева — это проблема, возможно ли человеку творить чудеса. Да или нет? Этому посвящена одна из ранних его повестей «Жизнь Василия Фивейского»; она так или иначе повторяется в пьесах «К звёздам», «Царь Голод», «Анатэма» и др. Дело не в том, что автор как бы не верит в чудеса, а в том, что ему не нравится традиционная христианская религия.

Здесь подходим к самому интересному вопросу, который был необычайно важен на рубеже XIX — XX веков и в первых десятилетиях XX века (равно как и сейчас). Это вопрос о распаде так называемого исторического христианства, которому в частности Д.С. Мережковский посвятил основные свои религиозно-философские произведения, о чём я уже неоднократно писал. Брюсов бросил его супруге З. Гиппиус («Неколебимой истине») вызывающий стих:

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.
Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа, и Дьявола
Хочу прославить я.

Всё существо весь смысл эпохи так называемого Серебряного века было направлено на поиски новой веры, новой религии. «Историческое христианство» казалось тогда (как, впрочем и теперь) пустым набором бессмысленных догматов.

В чём же истинная вера? Этот вопрос задают себе все писатели и мыслители того времени, в том числе среди них и Л. Андреев. Но он — человек внутренне колеблющийся и постоянно сомневающийся в правоте тех или иных положительных установок. Его лучшие герои всё время стремятся куда-то «к звёздам» так же, как и профессор Сторицын — герой одноимённой пьесы. Более того, один из персонажей пьесы «Анатэма» пятидесятивосьмилетний Давид Лейзер, еврей по духу и принципу своей деятельности, вовсе не мечтатель, а обычный торговец, вдруг получив огромное наследство (4 миллиона тогдашних) от своих родственников из США, решает его раздать бедным. Казалось бы, неожиданная благотворительность, будто бы сам Андреев писал об этом. «Основанием «Анатэмы» служит следующий факт, который сильно поразил меня: в одном из больших южных городов (не помню, в Харькове, Одессе или Киеве) умер очень богатый еврей, который при жизни всё своё состояние раздал нищим, и по смерти его последние пожелали схоронить богача на свои средства».

Однако суть пьесы далеко не в этом. Л. Андреев, так же как и впоследствии М. Булгаков («Мастер и Маргарита»), сознательно искажает имена персоналий христианской веры. Слово «Анатэма» (имя героя пьесы Андреева) употреблено вместо христианского понятия «анафема», то есть «отлучение христианина от общения с верными и от таинств, применяемое в качестве высшего церковного наказания за тяжкие прегрешения (прежде всего за измену православию и уклонение в ересь или раскол) и соборно провозглашаемое»¹. Попросту говоря, это синоним слова «дьявол».

Но, как ни странно, этот Анатэма практически побеждает некие божественные силы, которые воплощены в образе, названном «Некто, ограждающий входы». Хочу заметить, что этот образ был упомянут автором ещё раньше в пьесе «Жизнь человека», где он был назван «Некто в сером». И тут, и там для Андреева эти персонажи — некий протообраз бога, но бога, отнюдь не всемогущего, почти что сомнительного. Бога, которого ещё надо искать, отсюда вытекает богоискательство и богостроительство.

Многие литераторы того времени считали богом человека, так называемого богочеловека. Маяковский заканчивает поэму «Человек» словами:

---

¹ Цит; интернет, Википедия.

Тысячью церквей
подо мной
затянул
и тянет мир:
«Со святыми упокой!».

Андрей Белый свою повесть «Человек» заканчивает так: «Звуки света в нас вписаны; песнь солнценосцев ясна; звукословием встретим же, братья, сходящую Душу из звукосветных, глаголющих голубизн... на заре!». Горький пишет рассказ «Рождение человека», не считая уж знаменитого афоризма Сатина из пьесы «На дне»: «Человек — это звучит гордо». Леонид Андреев, прекрасно понимая, что так называемая религия «человека» не может быть воплощена в жизнь, слегка иронизирует над своими современниками. В пьесе «Профессор Сторицын» есть прямо-таки издевательские строки по поводу «красоты, которая спасёт мир» Достоевского. Герой считает, что смыслом жизни является «завет о красивой жизни», будто бы кроме осуществления красивой жизни ничего другого в жизни не существует. В пьесе есть явная пародия и на сочинения А. Белого. Профессор Сторицын признаётся своей возлюбленной: «В ваших глазах золото и лазурь». Приведу отрывок из стихотворения Андрея Белого:

Поэт, — ты не понял людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
с тобой бирюзовая Вечность.

Все эти мысли приписаны автором профессору Сторицыну — главному герою пьесы «Профессор Сторицын» и отчасти главному герою Терновскому из пьесы «К звёздам», причём ни тот, ни другой к звёздам не добиваются. Обоих героев ждёт впереди раскаяние и смерть, так же как самого Леонида Андреева.

Вот что он писал в одной из последних своих статей, названной со злой иронией «*Veni, Creator Spiritus!*» — *Приди, Дух Творящий!* (л т.), вышедший на страницах «Русской воли» 15 сентября 1917 года.

В этом памфлете писатель с горечью говорит о том, как рухнула вся русская культура после февральской революции. «Сгущается бездонная тьма, крошечный мрак. Ни единого огня, ни единого голоса — безмолвие и тьма. Мне страшно. Как слепой мечусь

я в темноте и ищу Россию: — Где моя Россия? Мне страшно. Я не могу жить без России. Отдайте мне мою Россию! Я на коленях молю вас, укравших Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните!». Этот памфлет, почти что призыв, поражает не только своей эмоциональностью, но также удивительным прозрением, что за Керенским грядёт ещё что-то более страшно: «Густится мрак, и во мраке я слышу голос: — Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнём и соберёт пшеницу в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым».

Л. Андреев умер в 1919 году и, конечно, не мог знать, что совершится дальше на полях любимой его России.

Январь 2021 года
Санкт-Петербург

* * *

*Пусть знет в г, н н с войной идущий,
Поднявший меч н н ш простор цветущий,
Что ждёт его лишь гибель впереди, —
Мы ничего ему не отд дим:
Ни н ших нив, шумящих морем хлеб ,
Ни н ших гор, вонзивших пики в небо,
Ни н ших рек, струящихся в тиши,
Ни н ших песен сердц и души.
Ни слов любви, ни дружбы, ни з бот,
Ни н ч тых н род ми р бот,
Ни городов, где улиц гул веселый,
Ни тех полей, где р сцвет ют сёл ...*

Николай Тихонов. «Известия», 24 июня 1941 года

Надгробие на могиле Леонида Андреева на Литераторских мостках в Петербурге